

Этажи войны

Год трагедии 7 октября. Разговор с социологом Виктором Вахштайном* о том, что произошло с израильским обществом и миром

Место нападения группировки ХАМАС 7 октября в Реиме. Фото: AP / TASS

08:34, 7 октября 2024,

Ирина Воробьева

журналист

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

**18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВИКТОРОМ СЕМЕНОВИЧЕМ
ВАХШТАЙНОМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВИКТОРА СЕМЕНОВИЧА
ВАХШТАЙНА**

7 октября 2023 года террористы ХАМАС совершили нападение на музыкальный фестиваль Nova на юге Израиля. Количество жертв того дня посчитать невозможно, это тысячи людей. Потому что кроме погибших в резне, угнанных и убитых заложников, расстрелянных военных, из жизни ушли свидетели этого кошмара, спасатели, врачи, члены семей. Зона поражения с новыми этапами травматизации расширялась как вирус, захватывая новые территории и поглощая людей. Прошел год, и в нем множество событий, заявлений, погибших с обеих сторон, действий и молчания. Как сейчас живет Израиль?

Каким образом боль и ужас трансформируются в политические решения? Обо всем этом Ирина Воробьева поговорила с социологом Виктором Вахштайном.

— Мы записываем это интервью прямо накануне 7 октября. Год прошел с момента событий, которые шокировали весь мир, мне кажется. И вот хочется поговорить про этот год. Но прежде чем задавать вопросы про израильское общество, хотелось бы понять, а какое оно вообще израильское общество. Стабильное, солидарное, монолитное, состоит из двух частей, из трех или больше. Какие внутри израильского общества существуют большие противоречия? Как можно это описать?

— Давайте начнем традиционно — с прояснения понятий. Общество — не совокупность индивидов, обитающих на какой-то территории. (Такая совокупность называется «населением», и изучают ее демографы.) Общество — это система социальных связей между людьми. Если связи эти сильные, доверительные, основанные на идентичности, солидарности и взаимопомощи,

мы говорим о «семьях», «кланах», «племенах» или «сообществах». Если связи эти слабые, формальные, опирающиеся на договорные отношения, политическое принуждение и минимальное взаимное признание, мы говорим о других агрегатах — «корпорациях», «классах», «регионах», «национальных государствах» или «глобальных империях».

Израиль — пример национального государства. Такие социальные агрегаты собираются вокруг идеи гражданской нации: есть множество внутренне спаянных сообществ, которые различаются по языку, вероисповеданию, повседневным практикам, стране рождения и срокам проживания, и есть то, что связывает все эти группы друг с другом, заставляет как-то договариваться, находить общие знаменатели. Социолог Бенедикт Андерсон называл нации «воображаемыми сообществами» — невозможно представить себе подобный агрегат как реальный монолит, так чтоб «общие даже слезы из глаз».

Единство нации — это воображаемое единство. Лишь в редкие моменты оно перестает быть метафорой.

Отцы-основатели государства, правда, верили, что когда-нибудь такая внутренняя гетерогенность исчезнет. Возникнет новая историческая общность — израильский народ. Эта иллюзия получила название «плавильного котла» благодаря пьесе английского драматурга Исраэля Зангвилла, который был сначала пламенным сионистом, потом таким же пламенным антисионистом, но образ «плавильного котла» вообще-то использовал применительно к США. В его пьесе русская революционерка, дочь царского офицера, стоявшего за

кишиневским погромом, влюбляется в Нью-Йорке в еврейского музыканта, который в этом погроме потерял свою семью и бежал в Штаты. Когда они обнаруживают, кто из них к какому «племени» принадлежит, все начинает сыпаться, но потом, как водится, любовь побеждает, они решают оставить мрачное российское прошлое во имя общего американского будущего.

В Израиле эта идея потерпела крах. Составляющие его сообщества ни во что не переплавились. Никакой однородной массы не возникло. Наоборот, гетерогенность с годами усилилась. Президент Реувен Ривлин в своей речи с характерным названием «Четыре колена Израиля» признал это в 2015 году — бессмысленно изобретать миксер, который бы перемешал все социальные ингредиенты в однородную массу, нужно строить мосты и укреплять связи между сообществами. Гетерогенность и разношерстность — это «не баг, а фича». Не стоит делать винегрет из греческого салата.

Фото: AP / TASS

— Если мы говорим не об однородности, а скорее о сообществах, то какое отношение к чужакам? Кто они такие в случае, если столько людей приехало разных и вообще столько всего разного?

— У Георга Зиммеля, одного из создателей социологии, есть такая формула: чужак — тот, кто пришел вчера, чтобы остаться назавтра. В этой формуле чувствуется еще отпечаток XIX века — мышление в категориях устойчивых и относительно однородных социальных единств. Вот есть маленький городок или большая деревня, где все всех знают, и есть непонятный персонаж, который зачем-то сюда приехал, а потом еще и семью перевез. Но начинается урбанизация, люди перебираются в большие города. Теперь им приходится стать стихийными этнографами, каждый день сталкиваясь с иными формами жизни, искать новые механизмы совместного существования. Так что чужак из маргинального персонажа превращается в центральную фигуру социологии XX века.

Вот эта ситуация, характерная для Нью-Йорка или Чикаго начала XX столетия, в Израиле никуда не исчезла. Каждая следующая волна репатриации что-то привозит с собой, как-то трансформируется, разбивается на «племена» и меняет систему отношений между сообществами внутри страны.

Есть старый сатирический скетч Арика Айнштайна и Ури Зоара, он называется «Алия»: на берег поочередно выбирают бежавшие из своих стран люди — сначала из России, потом из Польши, потом из Йемена, потом из Германии, потом из Марокко, потом из Советского Союза (все, разумеется, изображены очень стереотипно), и каждую следующую волну предыдущая встречает с выраженной «неприязнью к чужому». Йемениты слишком религиозны для поляков, немцы слишком высокомерны для йеменитов... Этот скетч — что-то вроде культурного кода. Он не устаревает и все еще вызывает смех у израильтян разных поколений.

Если бы существовала монополия какого-то одного сообщества на право отделять «правильных граждан» от «неправильных», ситуация была бы иной. Куда более пугающей. Но в таком разношерстном агрегате подобная монополия невозможна. Каждое сообщество регулярно производит своих собственных чужаков: для светских это могут быть религиозные, для национал-религиозных — ультрарелигиозные, для арабов-мусульман — арабы-христиане, для советских репатриантов 1970-х — репатрианты 1990-х, для репатриантов 90-х — мы.

Как вообще в этой ситуации возможно формирование общей идентичности, образование «политического тела»? Если бы Израиль был имперским государством, можно было бы разыграть карту: «Мы все из разных племен, но каждый из нас, прежде всего, — подданный императора, а уже затем эллин или иудей». Но Израиль — не имперское государство. Если бы Израиль был идеологическим этнонационалистическим проектом, как сейчас пытаются доказать левые антисиионисты, разыграли бы карту «этнического единства и исторической общности еврейского народа». Но это вообще нонсенс. 21% населения — израильские арабы (за голоса которых конкурируют три арабские партии), а еврейское большинство принципиально не воспринимает себя как «еврейское большинство», потому что разные сообщества внутри него пользуются разными критериями определения еврейства, причем половина вообще отвергает этничность как значимую категорию. То есть это даже не «воображаемое сообщество» Андерсона. Это невообразимое сообщество.

В итоге парламентская республика — со всеми ее плюсами и минусами — стала органичной политической формой для этого израильско-греческого салата. Потому что в ее основе лежит идея договора. Вам придется разговаривать. Вам придется искать компромиссы. Вам придется жертвовать интересами своих сообществ и учитывать интересы чужих, потому что иначе чужие договорятся с еще более чужими, и вы останетесь

в меньшинстве. На выходе — очень хрупкая конструкция. Один неверный шаг, одно неправильное решение — и весь социальный агрегат стремительно поляризуется.

Так и было накануне 7 октября. Из-за проекта судебной реформы люди вышли на улицы. Когда я говорю «вышли на улицы», вы, вероятно, представляете себе Болотную площадь или проспект Сахарова — противостояние граждан и власти. Но

израильский протест — это протест одних сообществ против действий других. И когда накал страстей достиг пика, случилось 7 октября.

— **Вы помните себя 7 октября прошлого года?**

— Да, почти по часам. Я проснулся около 6 утра от разрывов ракет-перехватчиков над домом. Дождлся сирены и спустился в бомбоубежище. Это уже автоматизированное действие — в 2021-м «Исламский джихад»* нас обстреливал из Газы по несколько раз в день, и навык сформировался быстро. Тогда же, кстати, мы и бомбоубежище расчистили. До этого все использовали его как кладовку. В общем, я решил, что начался очередной рутинный обстрел, дождался отбоя тревоги, вызвал такси и поехал к коллеге, с которым у меня в тот день была назначена встреча под Иерусалимом. Водитель, израильский араб, сказал, что мы поедем в объезд, по основной трассе ехать небезопасно. Напрасная предосторожность. Дороги были пусты как в фильме «Лангольеры».

Всю поездку таксист повторял только: «Какие мрази! Какие твари!» Я, честно говоря, даже не стал уточнять — кто именно. Мало ли. Пояснение я получил позднее от Мухаммеда, моего

соседа по дому и бомбоубежищу. Палестинцы называют израильских арабов «маштап», аббревиатура от «мешатеф пеула». Сотрудничающий. Коллаборационист. И пока я ехал в такси, израильский араб-мусульманин Ауад Дарауше всего парой сотен километров южнее вытаскивал из-под пуль израильских детей, пока его не убили хамасовцы.

Люди, которые рассуждают об израильских и палестинских арабах как о едином «угнетенном народе», не сильно представляют себе ситуацию в стране. После 7 октября ненависть к ХАМАС в арабском сообществе Израиля сильнее, чем когда-либо прежде.

Когда я доехал, в телеграм-каналах уже начали появляться первые видео. Но понять масштаб произошедшего было сложно. Хаос. Крики. Люди бегут. Выстрелы. Потом уже выяснилось, что немалая часть тех, кто выкладывал эти видео, погибли в течение часа.

На улице ко мне подошла религиозная женщина. Говорит: «Ты светский, ты можешь пользоваться телефоном, что происходит?» А это не просто утро субботы, это большой религиозный праздник. Все соблюдающие евреи в синагогах, и им запрещено пользоваться девайсами. Я показал ей новости, чтобы не осталось сомнений — запрет на пользование техникой отменяется в чрезвычайной ситуации. «Ты же не местный, — говорит она. — Вот мой дом. Если что, мы тебя ждем. У нас выход на крышу, запас продовольствия и три винтовки. Как раз на такой случай».

Акция протеста с требованием освобождения удерживаемых ХАМАС заложников прошла в Тель-Авиве. Фото: Middle East Images / ABACA

— А вот этот эпизод с женщиной, которая позвала, если что, я так понимаю, это действительно такая очень обычная история для Израиля, не 7 октября началась.

— Смотря что именно считать обычной историей. Скажем, ракетные обстрелы густонаселенных городов — обычная история. Теракты и, как следствие, большое количество стрелкового оружия у граждан — тоже обычная история. Вчера всего в трех остановках от моего дома двое террористов расстреляли в упор восемь человек. Они убили бы куда больше, но вышедший за хлебом молодой человек — в шортах и шлепанцах — захватил с собой пистолет.

Предложить помощь незнакомому человеку — тем более обычная история. Для этого даже не требуется чрезвычайная ситуация.

Но вот геноцидальная атака — а седьмое октября это не теракт, это именно геноцидальная атака в соответствии с международным правом, — уже не обычная история.

Израильтяне привыкли к терактам, но отвыкли от полномасштабных погромов. Примерно с 30-х годов прошлого века. Массовые убийства и изнасилования, дети, сожженные в своих домах на руках у родителей, головы, отрубленные подвернувшейся под руку мотыгой. (Поскольку вслед за хорошо подготовленными и вооруженными боевиками Исламского движения сопротивления через дыру в заборе на оперативный простор вырвалась менее подготовленная и хуже вооруженная молодежь.) Заложники, захваченные и угнанные в плен. И все это — тщательно задокументировано и заснято самими убийцами.

То, что случилось на следующий день, — тоже не обычная история.

К утру 8 октября страна изменилась до неузнаваемости. Я только что сказал, что Израиль — «невообразимое сообщество» и что его единство лишь в редкие моменты перестает быть метафорой. Вот это и был такой редкий момент. Государство не прошло краш-тест, сообщества — прошли.

Слабые связи моментально стали сильными. Шапочно знакомые друг с другом люди созванивались и организовывали доставки на призывные пункты — продуктов, белья, сигарет. Совершенно незнакомые знакомились в соцсетях, чтобы наладить систематические подвозки волонтеров и доноров. Километровые очереди на сдачу крови для пострадавших

можно было сравнить только с очередями добровольцев на призывных пунктах.

8-го числа, не дожидаясь разрешения от армейского командования, на место фестиваля «Нова» выехала волонтерская поисково-спасательная группа из новых репатриантов, которые имели опыт работы «в поле», полученный еще на биофаке МГУ, — искать выживших и раненых. Нашли в основном останки.

Молодая мать-лейтенант призвалась на границу с Ливаном («Хезболла» практически сразу начала обстреливать север страны в поддержку ХАМАС), ее муж ушел добровольцем в Газу. Она оставила грудного ребенка с дедом, сцедив молока на несколько дней. Соседка написала об этом в фейсбуке**, и через час все кормящие матери в радиусе пятидесяти километров уже были на регулярном дежурстве — каждая знала, во сколько ей нужно подъехать и по какому адресу.

Иногда доходило до смешного. В декабре девушка-наблюдательница на северной границе написала в твиттере: «У нас все есть, спасибо. Для нового года не хватает только тазика оливье». Через пятнадцать минут самый дорогой русский ресторан Тель-Авива уже заявил — повара сегодня работают сверхурочно. Через полчаса менеджеры, айтишники, врачи и профессора — все, кто прочитал это сообщение, — отписались, что после работы заедут и развезут салат по базам на пути домой.

Заголовки новостей выглядели порой сюрреалистично:

- «Криминальный авторитет передал армии триста кевларовых бронежилетов.
- «Так как силы полиции заняты поиском оставшихся инфильтрантов и предотвращением новых нападений, порядок на улицах обеспечим мы», — заявил он».

Преступность действительно резко снизилась.

Одним словом, пока все государственные структуры находились в глубоком нокауте, за считанные часы паутина социальных связей между людьми уплотнилась до состояния корабельных канатов, произошла тотальная социальная мобилизация.

Есть ролик, который хорошо описывает ситуацию тех дней. Сержант устраивает переключку резервистов:

— Религиозные мракобесы!

— Здесь!

— Леваки-предатели!

— Тут!

— Ультраправые фашисты!

— На месте!

После чего они все грузятся в один автобус и едут на базу.

Акция протеста с требованием освобождения удерживаемых ХАМАС заложников прошла в Тель-Авиве.
Фото: AP / TASS

— Но потом все это стало исчезать? На что сменилось?

— Такие спонтанные вспышки солидарности, переход социальных связей в иное агрегатное состояние в классической социологии назывались пафосно — «рождение сообщества судьбы». По сути, коллективный ответ на экзистенциальный вызов. Единство достигается не за счет длительных переговоров и договоров, не за счет символов и утопических образов, не за счет нарративов об историческом прошлом... А благодаря действиям людей здесь и сейчас. Но в социальном мире у всего есть срок годности. Сообщество судьбы становится сообществом травмы.

За первой травматизацией — от произошедшего — следует вторая. Девушка, которая в тот день дежурила в колл-центре на горячей линии. Ей поступило несколько сотен звонков — крики, выстрелы, детский плач. Она ничем не смогла помочь. И

психологи не смогли помочь ей. Полгода назад она покончила с собой.

Фраза, которую я постоянно слышал весь этот год: «У меня до сих пор в ушах стоит крик». Слышал от самых разных людей. От депутата Кнессета, который каждый день разговаривает с семьями похищенных и убитых. От волонтера, занимающегося опознанием сожженных тел. От друга, который зашел навестить родственницу, когда в дверь ей позвонили двое — офицер и врач.

А за второй травматизацией следует третья. Когда мы сталкиваемся с реакцией прогрессивной мировой общественности. Вот, например, вчерашний теракт, о котором я упомянул, — два человека расстреляли безоружных людей в трамвае и на остановке. Мать с девятимесячным ребенком на руках погибла, закрывая его собой. Сегодня группа студентов Колумбийского университета уже выступила с официальным заявлением. Оказывается, это был «значительный акт сопротивления» и «смелый поступок, напоминающий о том, что борьба не ограничивается Газой и Ливаном», но продолжается «в самом сердце колониальной территории поселенцев».

Некоторые мои знакомые, хранившие гордое оппозиционное молчание в России, переехав в США, решительно примкнули к (безопасной для них) борьбе с сионистской агрессией и поселенческим колониализмом. Они, кажется, искренне не понимают, почему их вчерашние коллеги, выбравшие в качестве места жительства Израиль, воспринимают их теперь как украинцы — российских Z-патриотов.

— Тот факт, что мир не остался на позиции первых дней и не встал на сторону Израиля до конца, тоже должен был создать ощущение, что кругом враги?

— Не совсем. Нужно, видимо, еще раз немного заглянуть в социальную теорию, чтобы прояснить разницу между «врагом» и его «добровольным союзником».

Представьте себе три этажа.

Первый этаж — поле боя. Не метафорического, информационного или фейсбучного. А вполне реального. С падением ракет возле вашего дома, цементной пылью в воздухе, ночными сиренами, погибшими друзьями и знакомыми. Линий фронта в физическом пространстве может быть несколько. Но в пространстве экзистенциального противостояния она одна — различие «друга» и «врага». Враг не обязательно должен быть морально порочен, эстетически безобразен или воплощать собой абсолютное зло. Достаточно того, что его цель — убить вас. Он именно враг (*hostis*), а не недруг (*inimicus*). Недруг — тот, кто вас ненавидит, враг — тот, кто на вас нападает.

Впрочем, свободу воли никто не отменял. Тот факт, что вы оказались географически рядом с линией фронта, не означает, что вы обязаны помещать себя в пространство экзистенциального противостояния. Вы можете уехать, осудить войну или своих бывших друзей. Можете уйти во «внутреннюю эмиграцию», запершись в своей квартире. (В репрессивных режимах это, правда, осложняется тем, что линия фронта порой проходит и через квартиру — обыски, аресты и облавы тоже никто не отменял.) Но если вы все же сделали выбор в пользу «первого этажа», вы принимаете на себя ответственность за последствия. При этом

вы помните, что и на противоположной стороне есть люди, сделавшие выбор. Те, кто его не делал, не могут считаться врагами. Они там

не по своей воле и являются заложниками, а не комбатантами.

Пропалестинская акция в преддверии годовщины нападения радикального движения ХАМАС на Израиль в Риме. Фото: AP / TASS

У поля боя два основания: риск и соучастие. Риск — это опасность, принятая во внимание. Опасность — объективная вероятностная характеристика. На вас может упасть кирпич, осколок ракеты-перехватчика или кусок стены собственного дома. Вас может расстрелять из-за угла подросток, возомнивший себя партизаном. Вас могут арестовать в шесть утра сотрудники ФСБ. И если, зная все это, вы остаетесь в опасной зоне, принимая на себя ответственность за вероятные последствия собственных действий, опасность становится риском.

Соучастие стоит понимать буквально. В обоих смыслах этого

коварного слова. Сказать «Я здесь», занять позицию в пространстве войны — значит стать одновременно мишенью, волонтером и соучастником.

Над полем боя надстроен второй этаж — информационное пространство. Тут тоже своя линия фронта. Правда, куда более размытая и подвижная. На поле боя нет полутонов. На втором этаже, в информационном пространстве, они есть. Здесь вы можете занять более сдержанную или более радикальную позицию. Сказать «не все так однозначно», или «я осуждаю ХАМАС и ЦАХАЛ», или «согласитесь, между сектором Газа и Варшавским гетто много общего», как принято у русскоязычных левых.

Короче, в войне мнений и нарративов вы намного свободнее в выборе позиции. Хотя и здесь придется ответить на вопрос «Где ты?». Например: «Я в кампусе хорошего американского университета с бокалом шампанского в руке и палестинским флажком на лацкане пиджака выражаю солидарность своим студентам, выражающим солидарность с угнетенным народом Газы». Что для жителя первого этажа, находящегося по одну из сторон неметафорических баррикад, будет звучать как «Я прохамасовская тварь, радующаяся убийству ваших детей».

На первом этаже очень мало знаков, символов и прочей семиотики. Дистанция между означаемым и означающим здесь ничтожно мала: 30 секунд подлета для Ашкелона, полторы минуты для Тель-Авива, 14 минут для баллистической ракеты из Ирана. Но на втором этаже — где борьба идет за «общественное мнение» — нарративы и образы могут летать по самым неожиданным траекториям.

Поднимаясь с первого этажа на второй (то есть отработав волонтерскую смену и открыв

социальные сети), участник экзистенциального противостояния тоже должен ответить на вопрос «Где ты?». И честно признаться себе, что он уже не там — под обстрелами, а здесь — в комментариях.

Переключиться удастся далеко не сразу. Мне, во всяком случае, точно.

Иногда второй этаж действительно проваливается и становится частью первого. Любой обмен мнениями имеет шанс перерасти в войну, если его интенсивность достигает определенного порога. Но как бы ни поляризовалось информационное пространство и какими бы радикальными ни становились высказывания, сами эти высказывания — еще не действия. Пока не появляется риск. Когда за посты начинают сажать на пять лет, когда израильский демонстрант погибает от удара пропалестинского — добро пожаловать на войну.

Вот только над этими двумя слоями есть еще третий. Профессиональный.

Метапозиция требует этической автономии профессии. Исследовательской, журналистской, медицинской... Нельзя просто подпрыгнуть и воспарить над конфликтом. Занимая «нейтральную позицию» между двух лагерей на втором этаже, ты все равно остаешься на втором этаже. Чтобы подняться на третий — он как минимум должен быть отстроен. Я с радостью обсужу проблему коллективной ответственности и индивидуальной вины с палестинским философом. Вопрос достоверности статистических данных — с иранским социологом. Тему правовой квалификации «геноцида» — с прохамасовским юристом. Если собеседник находится именно в позиции философа, социолога и юриста, а не бойца второго

этажа.

Идею автономии профессии хорошо проиллюстрировал один израильский врач. В интервью он описал жутковатую ситуацию: раненые террористы, учинившие резню 7 октября, были помещены в те же больницы, где пытались вернуть к жизни их жертв. Буквально в соседние отделения. (Потому что в Израиле нет системы тюремной медицины — больницы общие для всех.) И он очень просил забрать их оттуда, потому что родственники жертв периодически норовили устроить импровизированные суды Линча над «выжившими нелюдями». Да и сами доктора, некоторые из которых потеряли в той резне близких людей, подвергались слишком сильному испытанию.

— Вы же анестезиолог! — Решила поинтересоваться ведущая. — Нет искушения повернуть вентиль, когда оперируете террориста?

— Я?! — Вспыхивает собеседник, моментально переходя со второго этажа на третий. — Я же врач. Я клятву Гиппократа давал...

— Мы в России довольно много слов и эмоций тратим на то, чтобы обсуждать между собой и слушать разные политические силы, которые высказываются на тему Украины, и часть из них за немедленное прекращение огня. Значит, другая часть говорит: ни в коем случае не. И не видно ни одного выхода из всей этой... я не хочу называть это ситуацией... всей этой катастрофы, которая не то чтобы устроила всех, но хотя бы была близка к тому, чтобы сказать: «О'кей, да, вот это более менее норма. Существует ли какой-то консенсус, какой-то выход из этого всего? Вот куда нужно идти, чтобы, в конце концов, сказать: «Это закончилось?»

— Увы. Риторика отстраненного и рафинированного пацифизма — это не «выход из всего этого». Это всего лишь ставка в войне

нарративов. Ставка эта называется «имитация метапозиции». Потому что вы лишь делаете вид, что поднимаетесь на третий этаж, а на самом деле занимаете «нейтральную позицию» на втором. Забираетесь на табуретку, возвышаясь над воюющими сторонами, и говорите: «Мне все равно, кто прав, а кто виноват. Просто прекратите это немедленно». Но если вам все равно, кто прав, а кто виноват, вы, по сути, говорите: «Мне все равно, кто насильник, а кто жертва изнасилования». Становясь тем самым добровольным союзником насильника.

* Признана террористической организацией, деятельность на территории РФ запрещена.

** Принадлежит компании МЕТА, деятельность которой в РФ признана экстремистской и запрещена.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Израилю придется покончить с «Хезболлой»](#)

Арабист Дина Лиснянская — о том, что изменится на границе Израиля и Ливана после ликвидации Насраллы

19:08, 30 сентября 2024, Ирина Тумакова*

[Люди или победа? Будет ли сделка между Израилем и ХАМАС](#)

После того как боевики казнили шестерых заложников, в Израиле возобновились массовые демонстрации с требованием договориться и освободить оставшихся пленников

17:09, 6 сентября 2024, Роман Янушевский

«Уровень зверств, который продемонстрировал ХАМАС, не поддается осмыслению»

Аркадий и Давид Майофисы — о том, почему стал возможен теракт 7 октября, арабском вопросе и движении Free Palestine

14:03, 4 октября 2024, Зоя Светова, Вера Челищева